

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

УДК 002 + 004

КРУГЛЫЙ СТОЛ

«Белые пятна в предоставлении доступа к информации»

В рамках круглого стола обсуждались проблемы доступности информации, обеспечения ее достоверности, целесообразность института цензуры и ограничения доступа к информации в библиотеках, а также роль внутренней культуры в вопросах доступа к информации.

В обсуждении вопросов круглого стола приняли участие: В.А. Берязев, Л.К. Бобров, О. Бульшева, Е.Ю. Гениева, С.П. Исаков, П. Ларин, Г.М. Прашкевич, М. Тэкс Чолдин, А. Шанин, Н.В. Ярославцева.

Ключевые слова: доступ к информации, библиотека, цензура, культура

Продолжая обсуждение социокультурных проблем информатизации и функций библиотек в современном обществе¹, журнал «Идеи и идеалы» предлагает вниманию читателей новую созвучную тему, касающуюся вопросов доступности информации.

17–19 ноября 2011 г. в Новосибирской государственной областной научной библиотеке был организован круглый стол «Белые пятна в предоставлении доступа к информации», в котором приняли участие писатели, библиотечные работники, издатели и многочисленные читатели. Гостем круглого стола стала почетный профессор Иллинойского университета **Марианна Тэкс Чолдин**. Вела круглый стол директор Всероссийской библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино **Екатерина Юрьевна Гениева**.

В дискуссии приняли участие: **Владимир Алексеевич Берязев**, **Леонид Ку-**

приянович Бобров, **О. Бульшева**, **Сергей Петрович Исаков**, **П. Ларин**, **Геннадий Мартович Прашкевич**, **А. Шанин**, **а также министр культуры Новосибирской области Наталья Васильевна Ярославцева**.

Ниже дается краткое изложение высказываний участников КС, сделанное редакцией журнала «Идеи и идеалы». Полную запись выступлений участников можно услышать, зайдя на сайт журнала ideaidealy.ru.

Тон дискуссии задала ведущая Е.Ю. Гениева, предложив обсудить следующие вопросы.

Что такое доступ к информации и каким он должен быть?

Возможен ли действительно открытый, ничем не стесненный доступ к информации?

Какие белые пятна в предоставлении доступа к информации существуют в издательской, библиотечной, писательской, государственной практике?

Марианна Тэкс Чолдин. Открытый доступ к информации и цензура – это две

¹ Круглый стол «Библиотека без книг – неизбежность будущего?» / Г.А. Антипов и др. // Идеи и идеалы, 2011. – № 4. – Т. 1. – С. 2–22.

стороны одной медали. Мы привыкли рассматривать эту ситуацию как противостояние личности и власти. Но это же противостояние свойственно и личности: вечное противоречие между стремлением к новой информации (и желанием эту информацию донести до других) и желанием оградить свою приватность. Таким образом, цензуру изжить нельзя, как нельзя и остановить борьбу с ней. Это трудные вопросы, на которые нет легких ответов.

Яркий пример – история с Викиликс. Отношение американского сообщества к ней неоднозначно. Ранее в США уже были подобные «утечки», например – «бумаги Пентагона», опубликованные влиятельнейшей газетой «Нью-Йорк таймс» во время вьетнамской войны. Но эти бумаги были опубликованы не полностью, т. е. был проведен тщательный анализ и отбор, причем такой, чтобы донести до американского народа важную информацию, но не навредить стране. Кстати, в случае с Викиликс «Нью-Йорк таймс» тоже опубликовала подборку документов, сформировав ее исходя из тех же соображений. А на сайте были без разбора выложены тысячи документов, многие из которых никому не интересны, а некоторые действительно наносили ущерб государственной безопасности, причем часто даже не содержанием, а формой подачи информации.

Е. Гениева. Можно констатировать, что при любом предоставлении информации всегда есть ограничения. Наша страна во время перестройки пережила взрыв интереса к ранее запрещенным архивам. Вопрос к присутствующим – насколько открытыми должны быть архивы?

В. Берязев, главный редактор журнала «Сибирские огни». Проблема доступа к информации всегда отягощена государ-

ственными, религиозными или этическими ограничениями, поэтому цензура необходима, она всегда была и будет. Конечно, она меняется, приспосабливаясь к текущему моменту, но любое общество должно защищаться от пропаганды насилия, порнографии, должно защищать безопасность страны и т. п. Кстати, открытый в перестройку доступ к ранее запрещенной литературе после бурного всплеска интереса привел к крушению литературы: когда все стало можно, исчез мотив искать что-то новое.

Е. Гениева. Вопрос о ничем не ограниченном и беспрепятственном доступе к информации возник относительно недавно, он отражен в Декларации ЮНЕСКО о работе публичных библиотек. Согласны ли вы с таким подходом? Хотелось бы услышать мнение писателей.

Г. Прашкевич. Я много раз сталкивался с цензурой. Хочу прояснить важный аспект: в СССР никогда не было единых правил цензуры, в каждом районе были свои специфические инструкции для цензоров. Поэтому то, что было можно в одном месте, запрещалось в другом, и всегда находились цензоры, стремящиеся накинуть частую сеть на все предлагаемое к печати. Яркий пример – роман-эпопея русского писателя-эмигранта Владимира Батшева «Власов» о генерале Власове и борьбе граждан СССР против советской власти. В. Батшев приводит огромное количество документов той эпохи, страшных, трагических – но ведь, находясь в СССР, он доступа к этим документам получить не мог! А получил, уже будучи гражданином Германии. И в результате властными кругами и многими читателями и критиками роман воспринимается как выпад против России, и сами документы так воспринимаются!

Я убежден, что писатель должен иметь доступ к любому документу, без ограничений. Цензор у него должен быть внутри. Ведь любой человек избегает ненужных тем или неэтичных высказываний и в частном разговоре, и в работе над текстом.

Когда я работал над историческим романом «Секретный дьяк», я постоянно сталкивался с запретами. Информация о поражениях российских отрядов в Сибири, на Чукотке – 300 лет назад! – закрыта. Я добился доступа в архив, но архив «Сибирика», в эвакуацию вывезенный в Ташкент, там и остался, хранится в ужасных условиях и просто гибнет. Не знаю, цензура ли это, но работе очень мешает.

А. Шанин. Всегда будет информация, которую можно предоставлять только людям подготовленным, специалистам. Между прочим, церковь не поощряла чтение мирянами Библии – не так поймут и впадут в ересь. Всегда была и политическая цензура, причем литераторы со времен Эзопа прекрасно умели с ней справляться.

Е. Гениева. Но если начать запрещать что-то, остановиться трудно.

А. Шанин. Да, это маятник. То ничего нельзя, то все дозволено. Самое трудное – выстроить правильную систему запретов и разрешений, которые должны проводить специалисты.

Е. Гениева. А каковы критерии?

А. Шанин. Критерий – внутренняя культура. Но вседозволенность – это синоним упадка и разложения общества.

Е. Гениева. А кто будет отбирать этих компетентных и достойных?

О. Булышева. Это должны быть депутаты Государственной думы (общий шум, насмешки). Вы плохо к ним относитесь. Но ведь вы сами их выбирали. Общество жи-

вет по законам, и они должны быть правильными.

Е. Гениева. Вот Марианна напомнила, что среди российских цензоров были такие люди, как Ф. Тютчев – поэт, крупный дипломат. Почему подобные люди шли в цензоры?

Г. Прашкевич. Можно еще вспомнить Полонского, Майкова. Но говоря о них, мы забываем про ту среду, в которой они жили и работали. Был узкий читательский слой, еще не интеллигенция – дворянство. Это была весьма закрытая и тесно связанная группа, близкая к императорскому двору. Ясно, что в таком обществе не поставят на пост цензора случайного человека, а привлекут именно таких, как Тютчев, Майков. Кому могут доверять и государь, и читатели, и наконец литераторы, что тоже очень важно? Это были высокоавторитетные люди, не то что советские функционеры.

Е. Гениева. Но не боимся ли мы эскалации запретов?

Г. Прашкевич. Когда мы говорим о цензуре и писателях, мы лукавим. Писатель, пока он пишет – он свободен. Но когда он хочет донести свое произведение до других людей – тогда он сталкивается с общественными институтами, в том числе с цензурой. Она всегда будет, но слабого она ломает, а сильного – закаляет.

Е. Гениева. Но ведь именно цензура виновна в том, что Бугаков, Солженицын пришли к нам слишком поздно. Нет ли опасности того, что это повторится?

Г. Прашкевич. Да. Ведь они работали для своего поколения, которому их труд был бесконечно важен. А сейчас это воспринимается совершенно иначе, и это та потеря, которую ничем не возместить.

П. Ларин. Мне повезло, в годы моей юности в Академгородке можно было все это достать, и я прочел это вовремя. Но народ – да, был лишен этих книг. Но сегодня, когда все можно, ограничителем может выступать только совесть автора. Тютчевых на всех не напасешься.

Вопрос из зала. Вы говорили об ограничениях этических, государственной безопасности. Но есть еще одно ограничение – экономическое. Как предоставить книги, доступ к культуре мальчику в далеком поселке? Даже плохие библиотеки есть не везде! К тому же сельские библиотеки часто укомплектованы вредными книгами, если можно так выразиться! Вот мы были в одной сельской библиотеке, так там из всей политической литературы есть только 4 тома И. Рыбкина – и все!

О. Булышева. Опять то же, кто-то должен прийти и все сделать за нас. Я категорически не согласна с такой пассивной позицией. И в деревне библиотекарь, любящий свое дело, найдет способ комплектовать библиотеку достойными книгами. Нет государственного финансирования – надо искать спонсоров.

А. Бобров. Сначала несколько слов по поводу затронутых здесь экономических ограничений. Они касаются не только комплектования и оснащения библиотек, но и доступа к научной информации.

Например, сейчас оценка эффективности работы ученых и профессорско-преподавательского состава производится, как правило, с учетом индекса цитирования. В международных индексах ссылок на российских ученых очень мало, поскольку невелик охват российской научной литературы. А Российский индекс научного цитирования по многим позициям не выдержи-

вает критики. И в том числе по охвату первоисточников.

Есть еще один важный аспект цензуры – научная цензура. Стремление повысить рентабельность издания различного рода сборников научных трудов приводит к опубликованию некачественных работ в авторской редакции. Поэтому мы у себя в университете учим аспирантов и магистрантов тому, как отбирать авторитетные источники и анализировать работы по критерию достоверности.

Теперь хотелось бы коснуться темы открытости фондов библиотек. Не так уж редки случаи, когда в библиотеки, по крайней мере крупные, поступает литература «вредного» содержания. Где, например, описываются кустарные способы изготовления взрывчатых и отравляющих веществ. Никаких отметок типа «для служебного пользования» нет, и ограничивать к ним доступ библиотека не вправе. Но как быть, если такую книгу требует человек, скажем так, неадекватный?

Е. Гениева. А Интернет? Это вообще необъятный доступ к любым ресурсам. Библиотеки теперь тоже предоставляют доступ в Интернет; и что библиотекарь должен делать, если видит, что посетитель, условно говоря, готовит теракт?

Марианна Тэкс Чолдин. В США все просто. Есть вещи, запрещенные законом, например детская порнография. Доступ к таким ресурсам у нас запрещен. Все остальное – на совести читателя, ограничивать доступ к чему бы то ни было, не запрещенному законом, библиотекарь не вправе.

Е. Гениева. Когда мы в нашей библиотеке ловим читателя, зашедшего на подобные сайты, мы его предупреждаем. Если ловим вторично – исключаем из библиотеки. Основополагающий принцип – нельзя на-

носить вред другим. Критерий – чутье библиотекаря.

Предлагаю теперь поговорить о политике.

С. Исаков. Любое общество неоднородно, и в нем идет социальная борьба. В моменты социальных кризисов борьба перерастает в войну. Информация – важнейший инструмент в этой борьбе, каждая группа старается максимально распространить выгодную для нее информацию и скрыть невыгодную. Отсюда – цензура и борьба с ней. А то, что при этом нарушаются права граждан на свободный доступ к информации – это неизбежные издержки этой борьбы. Так что эта коллизия из разряда вечных. Если какая-то общественная группа хочет ситуацию изменить – она должна действовать политическими или экономическими методами, в зависимости от цели.

Е. Гениева. Общество наше, и не только наше, сегодня больно агрессивней. Если свободный доступ к любой информации обостряет эту болезнь – не должны ли мы как-то ограничить эту свободу? Я сознательно обостряю вопрос, чтобы попытаться найти ответ на него.

С. Исаков. Если общество осознает ситуацию как критическую, возобладает «охранительная» тенденция: силовики будут закрывать любую «вредную» информацию, невзирая на то, законно это или нет; библиотекари по собственной инициативе уберут из свободного доступа «опасные» книги, граждане начнут «стучать» на всех подозрительных. Это проявление общественного инстинкта самосохранения. Конечно, всегда найдутся радикалы, готовые отстаивать свободу, несмотря ни на что, но в едином обществе они останутся в меньшинстве. Если же центробежные процессы в обществе сильнее центростре-

мительных, на любое такое действие найдется противодействие, и общество разрушится, как рухнули самодержавие и советская власть.

Е. Гениева. Когда я заговорила о политике, я имела в виду отношения с другими странами. В СССР эта информация, как и многое другое, была белым пятном. Как с этим обстоит дело сейчас?

Г. Прашкевич. Россиянам надо излечиться от мазохизма: политического, исторического, культурного и т. п. Мне довелось в 70-е годы прошлого уже века побывать в Ливерпуле. Зашли в городскую библиотеку – огромное красивое здание, множество книг. Меня, естественно, заинтересовало, какие есть книги о нашей стране. На полке стояли 4 книги: дореволюционный период – Тургенев и Чехов, послереволюционный – Солженицын и еще кто-то, не помню. Да, еще подборка «Крокодила» и «Перца». И это все!

Пока мы не научимся уважать себя сами – нас не будут уважать и другие.

Е. Гениева. А кто должен стереть это «белое пятно»? Мы у себя издаем двуязычные книги с целью донести нашу культуру до других народов. Перевод – это грандиозная государственная задача!

Н. Ярославцева. Видимо, пора завершать дискуссию, ибо нельзя объять необъятное. Несколько моментов из сегодняшнего разговора показались мне интересными.

Так, считаю необходимым, чтобы в библиотеках была, фигурально выражаясь, «кнопка», которой можно отключить то, что не должно быть в свободном доступе. Мне очень понравилась американская практика «приватных кабинок», чтобы читатели не мешали друг другу.

Госорганы всегда будут отслеживать преступников, и мы, граждане, должны к

этому относиться с уважением. Конечно, в политической борьбе интересы и права человека всерьез никто не рассматривает, свобода информации рассматривается как средство очернения политического противника. Что мы можем этому противопоставить? Главным образом развитие культуры и образования, начиная с детства.

Если в библиотеках других стран нет наших книг – государство должно их туда привезти и подарить.

Марианна Тэкс Чолдин. В США государство не вмешивается в вопросы свободного доступа к информации – это гражданину гарантировано Конституцией, за небольшим исключением тех областей, которые запрещены законом. Что касается детей, то с точки зрения американского библиотечного сообщества главная роль в вопросах, какая информация должна быть доступна детям, принадлежит их родителям. Только они имеют право указывать библиотекарю, должен ли доступ быть свободным или ту или иную информацию надо закрыть (на практике в процессе доступа к Интернету включаются соответствующие фильтры, запрещающие переход на те или

иные сайты). Никакой другой контроль библиотекари не осуществляют.

Е. Гениева. Думаю, что одним из важнейших лейтмотивов сегодняшних выступлений была роль внутренней культуры во всех вопросах доступа к информации. Хочу вспомнить в этой связи концовку нобелевской речи И. Бродского: «У меня есть надежда, впрочем слабая, что тот, кто в детстве прочитал “Оливера Твиста” Диккенса, возможно, не поднимет руку для удара».

Это о том, как культура, внутреннее нравственное отношение важны для всех процессов, протекающих в культурном пространстве, в том числе и для свободного доступа к информации.

Литература

Круглый стол. «Библиотека без книг – неизбежность будущего?» / Г.А. Антипов, И.А. Гузнер, О.А. Донских, С.М. Ермоленко, Ю.П. Ивонин, С.П. Исаков, Ю.Ю. Лесневский, И.В. Лизунова, Г.П. Литвинцева, Н.И. Макарова, П.Д. Муратов, А.А. Осьмук, И.Н. Решетников, Б.С. Сивирин, О.В. Смирнова, С.А. Тарасова, М.В. Удальцова, Н.Л. Чубыкина, А.В. Шаповалов, А.К. Бобров // Идеи и идеалы, 2011. – № 4. – Т. 1. – С. 2–22.